

Давид Фридрих Штраус

Жизнь Иисуса

Книга 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ш93

Ш93 **Штраус Д.**
Жизнь Иисуса: Книга 1 / Давид Фридрих Штраус – М.: Книга по Требованию, 2025. – 234 с.

ISBN 978-5-521-38634-5

Введение и исторический очерк жизни Иисуса.

ISBN 978-5-521-38634-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предисловіе

къ первому и второму изданію.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, въ предисловіи къ первому изданію моей „Жизни Иисуса“, я нарочито заявлялъ, что этотъ трудъ мой предназначенъ для богослововъ, что для лицъ, не получившихъ богословскаго образованія, онъ недостаточно популяренъ, и что вообще книга эта умышленно составлена такъ, чтобы она была понятна только для богослововъ. Теперь же я, напротивъ, рѣшилъ написать книгу, доступную также и для тѣхъ, кто незнакомъ съ теологіей, и приложилъ всѣ старанія къ тому, чтобы меня понялъ всякій образованный и мыслящій человѣкъ, а пожелаютъ ли прочесть мою книгу богословы (я разумѣю богослововъ цеховыхъ), это для меня совершенно безразлично.

Вотъ какъ измѣнились времена! Съ одной стороны, я уже не могу теперь считать большую публику, какъ прежде, неподготовленной для такого рода вопросовъ. Помимо меня, благодаря моимъ ожесточеннымъ противникамъ, именно тѣмъ, которые когда то требовали, чтобы я писалъ свою книгу хотя бы по-латыни, и которые не переставали вопіять по моему адресу, вопросы эти стали интересовать массу, затѣмъ ихъ стали популярно, хотя и не всегда удачно, разрабатывать другіе авторы, болѣе рѣшительные, чѣмъ я, и наконецъ, политическое пробужденіе германскаго народа расширило арену также и для обсужденія проблемъ религіи. За это время многіе поколебались въ своей привязанности къ старинѣ, и начали самостоятельно размышлять о предметахъ вѣры; вмѣстѣ съ тѣмъ и въ массѣ населенія стали обращаться многія идеи общаго характера, присутствіе которыхъ нельзя было предполагать въ то время, когда мой трудъ выходилъ первымъ изданіемъ. Въ концѣ концовъ установилось мнѣніе, что чисто-цеховымъ предразсудкомъ является предположеніе о томъ, будто самостоятельно судить о вещахъ такого рода можетъ только богословъ и вообще ученый человѣкъ. Напротивъ, теперь всѣ объекты подобнаго изслѣдованія и обсужденія признаются столь простыми, что всякій, у кого есть голова на плечахъ и мужественное сердце въ груди, смѣло можетъ заявить: то, чего я не могу уразумѣть даже по зрѣломъ размышленіи и при посторонней помощи, совсѣмъ не важно.

Съ другой стороны, время показало, что именно въ этой области вспросовъ теологи менѣе другихъ людей способны разсуждать самостоятельно и безпристрастно. Они въ одно и то же время являются и судьями, и подсудимыми. Имъ кажется, что критика традиционныхъ устарѣлыхъ взглядовъ на предметы христіанской вѣры вообще и на ея основу, евангельскую исторію въ частности, равносильна потрясенію ихъ личнаго достоинства и авторитета, какъ представителей духовнаго сословія. Справедливо ли это мнѣніе, или нѣтъ, этого мы разбирать не будемъ; фактъ то, что они такъ полагаютъ. Впрочемъ, каждое сословіе своимъ существованіемъ дорожитъ прежде всего, и лишь немногіе рѣшаются отстаивать такое новшество, которое грозитъ уничтоженіемъ сословія или урѣзкой его правъ. Во всякомъ случаѣ справедливо то, что если христіанская религія избавится отъ элементовъ чуда, тогда и духовенство

перестанетъ быть той корпораціей кудесниковъ, какой оно является доселѣ; тогда представителямъ его уже нельзя будетъ изрекать благословеніе, а придется довольствоваться ролью простыхъ наставниковъ, хотя, конечно, эта роль наставниковъ значительно труднѣе и неблагодарнѣе, чѣмъ легкая и выгодная роль изрекающихъ благословеніе жрецовъ. Итакъ прогрессъ въ области религіи возможенъ лишь тогда, если богословы, вставъ выше предразсудковъ и интересовъ своего цеха, и независимо отъ большинства своихъ сотоварищей, протянуть руку мыслящимъ членамъ общины — паствы. Мы теперь вынуждены апеллировать непосредственно къ народу, такъ какъ богословы въ большинствѣ своемъ не желаютъ выслушивать насъ, какъ апостолъ Павелъ вынужденъ былъ обратиться къ язычникамъ, когда іудеи стали отвергать его благовѣстіе; а если самъ народъ, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, успѣетъ настолько развиться, чтобы не довольствоваться тѣмъ, что ему обыкновенно приподноситъ духовенство, тогда и представителямъ духовнаго сословія придется образумиться. Ихъ слѣдуетъ подталкивать, какъ и юристы стараго покроя только тогда стали отстаивать судъ присяжныхъ и нныя реформы въ своей спеціальной области, когда на нихъ произведено было давленіе со стороны общественнаго мнѣнія. Я знаю, многіе изъ этихъ господъ станутъ теперь вопіять о перебѣжчикѣ-богословѣ, желающемъ играть роль демагога-клерикала. Пусть такъ, но вѣдь и Мирабо былъ дворяниномъ-перебѣжчикомъ, желавшимъ сблизиться съ народомъ, и, какъ извѣстно, послѣдствія этого сближенія были громадны. Хотя я лично и не приписываю себѣ талантовъ Мирабо, однако я съ чистой совѣстью могу оглянуться на свое прошлое и на то дѣяніе, за которое я подвергся опалѣ со стороны цеха, нѣкогда меня въ себя включавшаго.

Посвященіе настоящаго труда народу является одною изъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ я отказался отъ мысли выпустить повымъ изданіемъ мою критическую обработку Жизни Іисуса и рѣшилъ написать новую книгу, въ которой ничего, кромѣ основной руководящей мысли, не сохранилось отъ прежней книги. Но въ томъ же направленіи меня толкало и другое обстоятельство. Давно уже хотѣлось мнѣ при новомъ изданіи моего труда обозрѣть все тѣ уснѣхи, которые достигнуты были въ этой области со времени его перваго опубликованія, отстоять занятую мною въ немъ позицію противъ новыхъ возраженій, исправить и дополнить его выводы результатами дальнѣйшихъ изысканій, чужихъ и моихъ собственныхъ. Но скоро я увидѣлъ, что вслѣдствіе того утратилъ бы свою оригинальную физіономію мой старый трудъ, значеніе котораго тѣмъ именно и опредѣлилось, что онъ появился ранѣе вышеозначенныхъ новѣйшихъ изысканій, а это обстоятельство меня очень смущало, ибо мой первый трудъ не только является историческимъ памятникомъ, отмѣчающимъ поворотный пунктъ въ развитіи новѣйшей теологіи, но благодаря своей конструкціи еще долго можетъ послужить небезполезнымъ пособіемъ для учащихся. Поэтому я и рѣшилъ оставить старую «Жизнь Іисуса» въ ея первоначальномъ, прежнемъ видѣ, а если въ будущемъ она окажется распроданной и потребуются новое изданіе ея, то я смѣю завѣщаю перепечатать ее согласно первому изданію, включивъ въ нее лишь нѣкоторыя исправленія по четвертому изданію.

Итакъ мнѣ предстояло включить и въ этотъ популярный трудъ мой критическое обозрѣніе повѣйшихъ изысканій, и это я исполнилъ, отбросивъ все и всякія ученныя детали. Конечно, книга отъ этого потерпѣла нѣкоторый ущербъ, но зато мнѣ удалось отдѣлаться отъ балласта ученыхъ «оговорокъ». Одною изъ такихъ ученыхъ оговорокъ является заявленіе, столь часто встрѣчаемое въ научныхъ трудахъ богослововъ-вольнодумцевъ и состоящее въ томъ, что въ основу ихъ изслѣдованій положенъ «чисто-историческій интересъ». При всемъ моемъ почтеніи къ словамъ ученыхъ людей, я рѣшаюсь все же утверждать, что ихъ заявленіе есть нѣчто невозможное, а если оно возможно, то все же нежелательно.

Конечно, кто пишет о державцах Ниневии или египетских фараонах, тот, может быть, и преследует «чисто-исторический интерес», но христианская религия есть столь живая сила, а вопрос о ее происхождении столь живо интересуется современность, что надо быть тупоумным человеком, чтобы в рвении таких вопросов видеть только «исторический интерес».

Действительно, кому не нравится в современной церкви и теологии то обстоятельство, что она считает христианскую религию сверхъестественным откровением, ее основателя — богочеловеком, а жизнь его — непрерывной цепью чудес, тот может путем исторических изысканий вполне достичь своей цели, т. е. избавиться от всего того, что его шокирует. Такой человек уверен, что все совершается естественным образом, что даже самый совершенный человек остается человеком, что, стало-быть, и то, что ныне ослепляет глаз наш как предполагаемое чудо, отмечаемое первобытной историей христианства, в действительности могло совершиться лишь естественным путем. Поэтому оп и надеется, что чем точнее будет установлен действительный исторический процесс, тем очевиднее удастся обнаружить его естественный характер, и стало-быть, он в силу собственной своей тенденции приходит к необходимости детальных исторических изысканий и вместе с тем к суровой исторической критике. В этом отношении я вполне согласен с этими учеными, да, вероятно, и они со мною согласятся, если взглянуть пристальнее в существо своих стремлений. Во всяком случае, наша цель — не изучать минувшую историю, а оказать содействие человеческому уму в целях его грядущего освобождения от врожденного ярма, и лучшим средством для достижения этой цели и вместе с ними признаю как философское изъяснение понятий, так и историческое изыскание.

Оговоркой о «чисто-историческом интересе» многие нередко пользуются для того, чтобы не доводить исследование до его логического конца, так что и весь учеными ими не расщипывается до того места, откуда открывается вид на свободное пространство. Подобные исследователи допытываются не того, что Иисус действительно сказал и сделал, а лишь того, какие рвчи и деяния ему приписывает тот или иной повествователь; они доискиваются не того, что представляет собой евангельская повесть, а лишь того, что думал и чего хотел повествователь, придерживающийся данной точки зрения и преследующий данные цели. Подобное исследование посвящается исключительно евангелистам и совершенно игнорирует Христа, как и политики, предавшиеся конституционной фикции, толкуют только о правительствах и совершенно игнорируют корону. Подобными исследованиями можно, конечно, бороться против фанатизма; хорошо и то, что при таких изысканиях затрагиваются также важные предуготовительные вопросы, но этим ограничиться нельзя. Мы настоятельно желаем знать, правду ли или неправду говорит евангельская история в целом или в частях своих, и упомянутые предуготовительные вопросы представляют общий интерес лишь в мере своей связи с означенным главнейшим вопросом. В этом отношении работа критиков евангелия за последние двадцать лет была бесплодна. Создавались все новые и новые гипотезы относительно евангелий (особенно трех первых евангелий), а также их источника, их цели, их состава и взаимоотношения, и все эти гипотезы с таким усердием отстаивались одними и оспаривались другими, словно в них — вся суть вопроса, а теперь этот спор так сильно разгорелся, что начинаешь сомневаться, скоро ли приступят к выяснению главнейшего вопроса, если только спор действительно когда либо коснется этого вопроса.

Но к счастью дело это зашло еще не слишком далеко. Безспорно, выяснить характер евангелия Иоанна и его отношение к другим евангелиям необходимо, чтобы иметь возможность рассуждать о вопросах данной

области; но въ евангельской исторіи найдутся многіе другіе, притомъ весьма существенные вопросы, которые возможно вырѣшить вполне удовлетворительно, хотя бы мы и не рѣшили окончательно, писалъ ли евангелистъ Матѳей по-еврейски или по-гречески, составилъ ли опъ только сборникъ изреченій Іисуса или настоящее евангеліе, списалъ ли евангелистъ Лука съ евангелистовъ Марка и Матѳея, или же Маркъ списалъ съ Матѳея и Луки. Независимо отъ этихъ и подобныхъ вопросовъ, мы могли бы рѣшить, какъ не слѣдуетъ представлять себѣ евангельскую исторію. Съ точки зрѣнія нашей анти-«исторической», не назадъ, а впередъ обращенной цѣли, подобный отрицательный выводъ представляется не только важнымъ, но и главнымъ дѣломъ. Опъ сводится къ тому предположенію, что ни въ личности, ни въ дѣятельности Іисуса не заключается ничего сверхъестественнаго, ничего такого, что требовало бы отъ человѣка слѣпой, беззавѣтной вѣры и преклоненія передъ авторитетомъ. Къ такому отрицательному выводу, говорю я, можно придти независимо отъ разрѣшенія всѣхъ вышеупомянутыхъ безконечныхъ вопросовъ критики, ибо нетрудно показать, что всѣ наши евангелія въ совокупности и каждое въ отдѣльности не обладаютъ той властной исторической достовѣрностью, которая нужна, чтобы плѣнить нашъ разумъ и заставить его вѣровать въ чудесное.

Положительный выводъ, дополняющій собою выводъ отрицательный, сводится къ уясненію того, какъ мы должны смотрѣть на цѣли и судьбы Іисуса и на появленіе неисторическаго элемента въ евангельскихъ повѣствованіяхъ о немъ. Чтобы отвѣтить удовлетворительно на эти вопросы, намъ нужно было бы конечно знать, что именно внесъ отъ себя лично каждый изъ евангелистовъ, обрисовывая образъ Христа, и изъ какихъ источниковъ бралась та или иная черта, но этого нельзя рѣшить вполне опредѣленно, пока не будутъ въ точности изучены какъ внѣшнія, такъ и внутреннія условія ихъ авторства, ихъ цѣли и ихъ средства. Дѣйствительно, такъ далеко мы еще не ушли, и тѣмъ не менѣе позволительно и даже желательно, чтобы отъ времени до времени подводились общіе итоги и ставился вопросъ: что собственно можно сказать по существу указанныхъ главнѣйшихъ вопросовъ при данномъ положеніи изслѣдованій, считаясь съ тѣмъ, что установлено какъ совершенно вѣроятное, и опуская то, что лишь основано на шаткомъ предположеніи. Тогда всѣмъ заинтересованнымъ лицамъ будетъ ясно, въ чемъ—суть вопроса или рѣчи, и такіе ретроспективные обзоры, такіа возвращенія отъ периферіи къ центру всегда были полезны для науки.

Что же касается меня лично, то я продолжаю и теперь отстаивать свою прежнюю позицію, пытаюсь лишь использовать всѣ новыя евангельскія изысканія въ интересѣ освѣщенія вопроса о евангельской исторіи. Съ этой цѣлью я старался замѣтывать все поучительное у всѣхъ авторовъ, успѣвшихъ выдвинуться въ области евангельской критики, послѣ того, какъ появилась моя «Жизнь Іисуса» первымъ изданіемъ, и никто не сможетъ обвинить меня въ томъ «литературномъ пилатизмѣ» (*pilatismus literarius*), въ которомъ нѣкогда швейцарцы обвинили Готшеда за его упрямое отстаиваніе единожды написанныхъ словъ. Наиболѣе полезными указаніями я обязавъ Бауру и тѣмъ людямъ, которые продолжали изысканія въ его духѣ, и если я и соглашался не со всѣми ихъ выводами, то я все же сочувствовалъ духу и методу ихъ изслѣдованій, и, наоборотъ, признавая плодотворнымъ тотъ или иной отдѣльный выводъ моихъ противниковъ, я, какъ всегда, не соглашался съ цѣлями и средствами ихъ направленія. Критики перваго рода, надѣюсь, не усмотрятъ пренебреженія къ ихъ изслѣдованіямъ въ томъ, что въ трудѣ, который преслѣдуетъ цѣли, аналогичныя цѣлямъ подлежащей книги, я не коснулся нѣкоторыхъ изъ затронутыхъ ими вопросовъ, а какъ отнесутся къ моему книгѣ богословы втораго рода, это я предвижу ясно, и меня ничуть не удивитъ съ ихъ стороны ни высококомѣрное умолчаніе, ни пренебрежитель-

ная критика, ни даже обвиненіе въ оскорбленіи святыни. И такъ какъ книгу эту я предназначилъ для германскаго народа, то я предвижу, что и отъ имени народа посыпятся на меня протесты отъ людей, которыхъ самъ народъ на это не уполномочилъ.

Подъ германскимъ народомъ я разумѣю народъ, вѣрный Реформаціи, а подъ Реформаціей я разумѣю не минувшее исполненное дѣло, а такое дѣло, которое необходимо продолжать и завершить.

Къ продолженію дѣла Реформаціи нынѣ столь же властно понуждаютъ отношенія образованности, какъ 350 лѣтъ тому назадъ тѣ же отношенія образованности понуждали приступить къ ея началу. Теперь мы тоже переживаемъ кризисъ, и тѣмъ болѣе мучительный, что намъ, какъ нашимъ предкамъ, одна часть дѣйствующаго христіанскаго ученія стала въ такой же мѣрѣ не-сносной, въ какой другая осталась необходимой. Но вѣкъ Реформаціи имѣлъ хотя то преимущество, что несносный элементъ онъ видѣлъ, главнымъ образомъ, въ ученіи и практикѣ Церкви, тогда какъ собственно-библейское ученіе и строй Церкви, упрощенный въ духѣ указаній Библіи, его вполне еще удовлетворяли. При такихъ условіяхъ, критическое выдѣленіе пригодныхъ элементовъ представлялось дѣломъ сравнительно легкимъ, и такъ какъ народъ продолжалъ еще считать Библию неприкосновеннымъ сводомъ божественныхъ откровеній и спасительныхъ поученій, поэтому и самый кризисъ представлялся неопаснымъ, хотя и отличался бурнымъ и революціоннымъ характеромъ. Теперь, наоборотъ, сомнѣнію подвергнуто даже то, что протестантами того времени еще признавалось, т. е. Библия съ ея исторіей и ученіемъ: даже въ Библии мы стали теперь отличать истинное и обязательное для всѣхъ временъ отъ всего того, что утверждалось лишь на представленіяхъ и отношеніяхъ даннаго момента, и что намъ стало нынѣ представляться непригоднымъ и даже непріемлемымъ. Но даже и то, что нынѣ считается дѣйствительнымъ и обязательнымъ, признается таковымъ не потому, что оно есть божественное откровеніе, возвышенное черезъ особыхъ посланниковъ, компетентность которыхъ засвидѣтельствована чудесами, а потому, что мы признали его истиннымъ на основаніи разума и опыта, и утвержденнымъ на законахъ человѣческаго существа и мышленія.

Необходимымъ и пріемлемымъ признается въ христіанской вѣрѣ то, чѣмъ оно избавило человѣчество отъ тисковъ чувственной религіи Грековъ съ одной стороны и властной религіи іудеевъ - съ другой; стало быть, съ одной стороны—вѣра въ то, что міромъ управляетъ духовная и нравственная сила, и, съ другой стороны, убѣжденіе въ томъ, что повинность, которую мы обязаны отбывать по отношенію къ этой силѣ, можетъ быть только духовной и нравственной, какъ и сама сила,—повинностью сердца и ума. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы это убѣжденіе вытекало изъ современнаго христіанскаго ученія, ибо оно, по крайней мѣрѣ въ чистомъ видѣ, практически еще не осуществлялось. Даже протестанты цѣпляются еще за цѣлый рядъ такихъ обрядовъ, которые ничѣмъ не лучше древне-іудейскихъ церемоній, и тѣмъ не менѣе считаются существенно-необходимыми въ цѣляхъ спасенія и блаженства. И если мы станемъ допытываться, какъ и почему этотъ чуждый элементъ проникъ въ религію Иисуса и утвердился въ ней, то мы увидимъ, что причиной этого явленія и вмѣстѣ съ тѣмъ причиной нашего нынѣшняго недовольства старой религіозной системой является нелѣпая вѣра въ чудеса. Пока христіанское ученіе будетъ представляться чѣмъ-то навязаннымъ человѣчеству извнѣ, пока Христосъ будетъ представляться пришельцемъ, явившимся откуда-то съ небесъ, пока Церковь Христа будетъ считаться учрежденіемъ, служащимъ для освобожденія людей отъ грѣховъ посредствомъ крови Христовой, до тѣхъ поръ и самая религія духа будетъ религіей недуховной, и христіанское ученіе будетъ пониматься по-іудейски. Только тогда, когда всѣ признаютъ, что въ христіанской вѣрѣ человѣчество создало себя глубже, чѣмъ въ былое

время, что Иисусъ есть человѣкъ, въ которомъ это углубленное самосознаніе впервые превратилось въ силу, опредѣляющую жизнь и существо его, что освобожденіе отъ грѣховъ сводится къ усвоенію такого образа мыслей и, такъ сказать, къ введенію его въ собственную плоть и кровь, только тогда христіанское ученіе будетъ дѣйствительно пониматься по-христіански.

Въ наше время люди уже начинаютъ, хотя и смутно, понимать, что въ этомъ именно и заключается правда и цѣнность христіанскаго ученія, и что все прочее представляетъ собой лишь тѣльную и наполовину уже истлѣвшую оболочку.

Теперь къ этой мысли даже и неразвитые простолюдины стали приходить самостоятельно. тогда какъ многіе изъ представителей общественныхъ верховъ ея не понимаютъ, какъ и вообще не понимаютъ они многого хорошаго и высокаго. Но при той тѣсной связи, какая установлена между обоими элементами христіанской вѣры книгами Св. Писанія, многіе рискуютъ вмѣстѣ съ оболочкой утратить также и ядро ученія, или испытать мученія борьбы и колебаній между безграницнымъ невѣріемъ и патологической вѣрой, между вольнодумствомъ и ханжествомъ. Помочь такимъ колеблющимся и нерѣшительнымъ людямъ—долгъ каждаго, кто чувствуетъ себя достаточно сильнымъ для такого подвига. Но оказать дѣйствительную помощь можно лишь путемъ рѣшительнаго проведенія демаркаціонной линіи между нетѣльными и тѣльными элементами христіанской вѣры, между подлинной спасительной истиной, и мнимо-истиннымъ и преходящимъ предположеніемъ. Такая грань дѣйствительно проходитъ черезъ все Св. Писаніе и больно отзывается въ сердцахъ искренновѣрующихъ христіанъ, особенно же протестантовъ. Но вѣдь и скорбь когда то причислялась къ дѣламъ христіанскаго покаянія, а въ данномъ случаѣ она сводится лишь къ размышленію и къ признанію закономѣрности разума. Кто хотя разъ уразумѣлъ, что человѣчество и все, къ нему принадлежащее, не исключая и религіи, развивалось исторически, тотъ долженъ ясно понимать и то, что ни въ одномъ изъ пройденныхъ этаповъ этого развитія нельзя было достигъ абсолютно-наивысшаго, что идейный кругозоръ религіозныхъ документовъ, которые появились полторы тысячи лѣтъ тому назадъ при крайне неблагоприятныхъ отношеніяхъ образованности, не можетъ быть усвоенъ нами непосредственно, и что онъ можетъ пріобрѣсти въ нашихъ глазахъ значеніе лишь въ томъ случаѣ, если въ немъ будетъ обособлено существенное отъ несущественнаго.

Произвести такое обособленіе—ближайшая задача протестантовъ и, поскольку весь германскій народъ задается дальнѣйшимъ развитіемъ протестантизма,—задача нѣмцевъ. Стремленіе къ свободной организаціи церковнаго управленія, сказавшееся уже въ разныхъ частяхъ Германіи, можетъ быть признано лишь за подготовительную работу, и въ этомъ смыслѣ оно представляется явленіемъ отраднымъ; но было бы роковымъ заблужденіемъ полагать, что этимъ исчерпывается сущность всего дѣла, а заявленіе о томъ, что въ наше время рѣчь идетъ уже не о догматахъ, а о церковной жизни, не о противоположности между раціонализмомъ и супранатурализмомъ, а о различіи между «приходской» и «клерикальной» церковью, является лишь близорукой или двусмысленной фразой; ибо церковная организація есть лишь сосудъ, въ которомъ сохраняется содержаніе христіанской вѣры; чтобы рѣшить, какая форма для этой цѣли наиболѣе пригодна, необходимо знать, что такое христіанское ученіе: есть ли оно нѣчто сверхъестественное, а этого вопроса нельзя оставить нерѣшеннымъ, потому что сверхъестественная религія, исполненная таинствъ и разныхъ средствъ спасенія, логически приводитъ къ учрежденію сословія іереевъ, стоящихъ надъ общиной прихожанъ. Кто хочетъ удалить поповъ изъ церкви, тотъ долженъ раньше удалить чудесное изъ религіи.

Призывая народъ германскій къ исполненію этой духовной работы, я

не требую, чтобы онъ отказался отъ политическихъ задачъ; я только напоминаю, что для рѣшенія этихъ задачъ необходимо создать твердую почву. Если несомнѣнно то, что реформація, зародившаяся въ нѣдрахъ самобытности германскаго народа, наложила на него неизгладимую печать, то, разумѣется, не можетъ онъ разсчитывать и на успѣхъ того, что къ Реформаціи не примыкаетъ непосредственно, что не выросло на почвѣ внутренней культуры духа и сердца. Мы, нѣмцы, можемъ политически освободиться лишь въ мѣру нашей духовной, религіозной и моральной свободы. Теперь, когда народъ нашъ пытается объединиться въ одну націю, что же мѣшаетъ ему исполнить это, что же поддерживаетъ безотрадный антагонизмъ между Сѣверомъ и Югомъ, какъ не двоевѣріе, и то досадное обстоятельство, что успѣшно развившійся процессъ Реформаціи былъ насильственно задержанъ, такъ что Реформація коснулась только одной половины германскаго народа и страны, а тамъ, гдѣ она стала укореняться, она была святотатственно похищена у народа. Пора понять обоимъ лагерямъ, что при настоящемъ положеніи вещей никому уже не удастся переманить къ себѣ другого, и что воссоединеніе или объединеніе противниковъ возможно лишь при новой третьей точкѣ зрѣнія, болѣе высокой, чѣмъ точка зрѣнія борющихся партій. Но встать на эту высокую объединяющую точку зрѣнія народъ германскій сможетъ лишь тогда, если онъ проникнетъ въ тайники религіи и сброситъ съ себя иго тѣхъ внѣшнихъ аксессуаровъ, въ которыхъ коренится между прочимъ вѣроисповѣдное разномысліе. Серьезную практическую попытку въ этомъ отношеніи уже успѣла сдѣлать со стороны католиковъ—группа «нѣмецкихъ католиковъ» (Deutschkatholicismus), а со стороны протестантовъ--«союзъ друзей просвѣщенія» (Lichtfreunde). Пѣль подлежащаго труда — научно обосновать подобныя тенденціи.

Въ этомъ смыслѣ авторъ настоящей книги дружески протягиваетъ руку своему за-рейнскому, французскому единомышленнику Ренану. Книгу Ренана, столь быстро получившую извѣстность, можно оцѣнивать всячески, но уже тотъ фактъ, что тотчасъ послѣ появленія своего она была предана проклятiю цѣлымъ сонмомъ епископовъ и даже самой Римской куріей, указываетъ на то, что она обладаетъ крупными достоинствами. Она, конечно, не свободна отъ промаховъ и недостатковъ, но мы въ ней находимъ лишь одну существенно важную ошибку, и я надѣюсь, что даровитый авторъ когда нибудь и самъ ее сознаетъ и постарается исправить. Прочіе же недостатки книги отчасти представляютъ свойства, которыя соотечественниками автора считаются достоинствами и преимуществами, поэтому не удивительно, если и то, чѣмъ авторъ подлежащаго труда надѣется пріобрѣсти расположеніе своихъ соотечественниковъ, будетъ за Рейномъ признано неудачнымъ или скучнымъ. «Жизнь Иисуса», написанную Ренаномъ и появившуюся тогда, когда я уже заканчивалъ свой трудъ, я привѣтствовалъ какъ симптомъ повсемѣстно пробудившейся тождественной потребности, и, ознакомившись съ нею ближе, я къ ней отнесся съ чувствомъ искренняго почтенія. Переубѣдить меня ей, правда, не удалось. Но всѣ желанія мои сходятся на томъ, чтобы мнѣ удалось написать для нѣмцевъ такую книгу, какую для французовъ написалъ Ренанъ.

Гейльброннъ.
Январь 1864 г.

Авторъ.

ВВЕДЕНІЕ.

І. Идея жизнеописанія Ісуса.

Выраженіе «Жизнь Ісуса», и труды съ такимъ или подобнымъ заголовкомъ встрѣчаются уже въ древнѣйшія времена; однако то, что мы теперь разумѣемъ подъ жизнью Ісуса, представляется совершенно новымъ понятіемъ.

Церковь протестантская и церковь католическая создали лишь два ученія о личности и дѣяніяхъ или миссіи Христа: первая разъясняла, кто былъ Христосъ, совершившій то, что было нужно для возстановленія падшаго человѣчества, причемъ она подчеркивала, что Христосъ былъ вочеловѣчившійся сынъ божій; а вторая подробно выясняла, что онъ сдѣлалъ для насъ и продолжаетъ дѣлать въ качествѣ Богочеловѣка. Эти дѣянія Ісуса, будучи отнесены къ прошлому и къ пребыванію его на землѣ въ образѣ человѣка, конечно, представляютъ собой одинъ изъ элементовъ его «житія» или, если угодно, вся его земная жизнь представляетъ богочеловѣческую тему о спасеніи рода человѣческаго, но такъ представляютъ себѣ и понимаютъ его дѣятельность значить разсматривать ее подъ инымъ угломъ зрѣнія, чѣмъ тотъ, подъ которымъ обычно разсматривается всякая человѣческая жизнь въ цѣляхъ біографическаго разсказа. Но дѣятельность и жизнь Ісуса такъ именно и понималась, пока ученіе церкви пользовалось безусловнымъ авторитетомъ; труды о «житіи» Ісуса-Спасителя представляли собой лишь компиляцію и пространный пересказъ евангельской исторіи съ точки зрѣнія церковнаго догмата, а совѣтъ не то, что мы теперь понимаемъ подъ жизнеописаніемъ или исторіей Ісуса.

Въ героѣ біографіи мы большею частью видимъ человѣка совершеннаго и цѣльнаго: но лицо, которое съ одной стороны является человѣкомъ, а съ другой—существомъ высшимъ, сыномъ боговъ или сыномъ божіимъ, лицо, рожденное отъ матери-человѣка, но зачатое не отъ человѣка-отца, такое лицо мы отнесемъ къ области міа и поэтическаго творчества и не подумаемъ серьезно обратить его въ объектъ историческаго повѣствованія. Далѣе, какъ человѣкъ въ полномъ смыслѣ этого слова, герой біографіи представляется намъ естественно одухотвореннымъ существомъ, такимъ *я*, чувственные побужденія котораго подчиняются разуму, и эгоистическія цѣли котораго опредѣляются всеобщимъ моральнымъ закономъ, а не предопредѣлены уже заранѣе благодаря совмѣщенію божеской личности съ личностью человѣческой; поэтому существеннымъ элементомъ всякаго человѣческаго жизнеописанія являются колебанія и ошибки, борьба между чувствомъ и разумомъ, между индивидуалистическими и коллективистскими цѣлями, и если намъ извѣстно, что подобный разладъ представляетъ нѣсколько степеней, обусловленныхъ колебаніемъ и борьбой, начиная съ необузданнаго возмущенія и кончая едва замѣтнымъ недовольствомъ, то въ полномъ отсутствіи подобной дисгармоніи, составляющемъ сущность церковнаго ученія о безгрѣшномъ Ісусѣ, мы усмотримъ лишь отсутствіе истинно человѣчныхъ элементовъ.

Далѣе, всякій индивидъ, даже и высокоодаренный, представляется намъ дѣтищемъ человѣчества, зачатымъ въ сокровенныхъ нѣдрахъ челове-

ской природы; онъ опредѣляется характеромъ того тѣснаго круга людей, въ которомъ онъ родился, онъ—дѣтище своей семьи, своего народа, своей эпохи; его дѣятельный умъ питается за счетъ тѣхъ образовательныхъ средствъ, которыя ему даетъ его среда, и опредѣляется той ступенью развитія, на которой послѣдняя сама стоитъ; его цѣли не только опредѣляются окружающими его условіями, которыя вліяютъ на степень ихъ осуществленія, но могутъ даже по существу своему измѣняться и развиваться подъ вліяніемъ практическаго опыта. Наоборотъ, Христосъ, согласно церковному представленію о немъ, является сыномъ божіимъ, зачатымъ отъ св. Духа, или воплощеннымъ Словомъ божественнаго Творца, и потому онъ надѣленъ столь безусловнымъ совершенствомъ, что аргіогі исключаетъ собой всякую мысль о воздѣйствіи семейнаго и народнаго духа, или поученія со стороны человѣка—наставника. Болѣе того, даже свои цѣли или, точнѣе говоря, свою единую основную цѣль, для осуществленія которой онъ ниспосланъ въ міръ, привнесъ онъ уже въ готовомъ видѣ съ неба; онъ совершенно независимо отъ вліяній дѣйствительности и до конца осуществляетъ эту извѣчно предустановленную цѣль свою, причемъ даже и въ подборѣ средствъ также не стѣсненъ законами природы.

Однако подобное стѣсненіе или ограниченіе само собой подразумѣвается у насъ при всякомъ обыкновенномъ жизнеописаніи. Герой подобной біографіи намъ всегда представляется конечнымъ существомъ, силы котораго ограничены силами другихъ, окружающихъ его существъ, и дѣятельность котораго подчинена законамъ естественной энергіи. Только съ такимъ взаимодействіемъ конечныхъ силъ исторія и имѣетъ дѣло; ея основной законъ сводится къ закону причинности, въ силу котораго предполагается и устанавливается причина всякаго даннаго явленія въ универсальной связи естественныхъ силъ; вмѣшательство же сверхъестественнаго внѣшняго причиннаго момента нарушило бы связь процессовъ и сдѣлало бы невозможной всякую исторію.

Церковное представленіе о Христѣ во всѣхъ отношеніяхъ противорѣчитъ этому понятію исторіи вообще, и біографіи въ особенности. Кто пожелаетъ разсматривать церковнаго Христа подъ біографическимъ угломъ зрѣнія и его жизнь описать въ формѣ біографіи, тотъ неминуемо убѣдится въ томъ, что форма не соотвѣтствуетъ содержанію. Христосъ церковный не можетъ служить объектомъ для біографіи, а біографія не представляется той формой, которая пригодна для описанія дѣяній церковнаго Христа. Понятіе: «Жизнь Іисуса» является понятіемъ не только новымъ, но и противорѣчивымъ. Оба его элемента: церковное представленіе о Христѣ, и историко-біографическій прагматизмъ,— издавна развивались внѣ всякой зависимости другъ отъ друга; попытка примѣненія послѣдняго къ первому есть дѣло новѣйшей эпохи, именно 18-го столѣтія, и въ этомъ дѣлѣ явственно сказалось то внутреннее противорѣчіе, которое присуще всякой переходной эпохѣ. Мы хотѣли сохранить церковнаго Христа, но въ то же время мы могли усвоить его себѣ не иначе какъ въ формѣ настоящаго человѣческаго житія, и такимъ образомъ оба элемента, насильственно совмѣщенные въ церковномъ понятіи о личности Христа,—божественный и человѣческій элементы, при всякой попыткѣ создать историческое описаніе его жизни, неизбежно обособляются другъ отъ друга, какъ обособляется объектъ отъ его обработки, или форма отъ ея содержанія.

Въ этомъ отношеніи понятіе «житія» или біографіи Іисуса представляется понятіемъ роковымъ. Оно заключаетъ въ себѣ, какъ въ зародышѣ, весь процессъ развитія новѣйшей теологіи, и отрицательный результатъ этого развитія сказывается въ противорѣчій его обѣихъ сторонъ. Идея «житія Іисуса» есть та ловушка, въ которой суждено было попасться и погибнуть теологіи нашей эпохи. Кто приступалъ серьезно къ біографическому повѣствованію о Христѣ, тому приходилось отрѣшиться отъ представленія церковнаго Христа, а кто пытался сохранить это представленіе, тому приходилось отка-